

Зачем вести дневники и писать мемуары?! Так усомнятся ироничные люди. Мол, как только ты умрешь, твои дневники будут уничтожены равнодушными потомками, или еще хуже – осмеяны, использованы в каких-то неблагоприятных целях. Да, это возможно. Но это не снимает нашей высшей обязанности в этом отношении.

Мы, как рыба-кета, выискиваем свою речку, свою духовную Родину, чтобы, вопреки всему, вопреки любым трудностям и опасностям, подняться по ней вверх по течению – выметать икру и – умереть.

Это и есть *состоявшаяся жизнь*. Единственное, что может философия в своем самом существенном ядре – это сказать о том, что же собой представляет состоявшаяся жизнь и напомнить, что она доступна каждому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.

Ю.М. РЕЗНИК

ШТРИХИ К ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА К.С. ПИГРОВА (ОЧЕРК)¹

Жил, был человек. И звали его Константин Семенович Пигров. И было у него все, как у людей: детство, учеба, первая любовь, армия, институт, женитьба, первый опыт работы... Все, кроме одного. И надо же было такому случиться: уже в зрелом возрасте он встретил свою главную музу жизни – философию. И их брак с ней оказался удивительно прочным и счастливым.

Я убежден, что в российской философии К.С. Пигров – заметное явление. И дело не только в том, что он сделал и написал за многие годы. И, конечно же, не в его должностях, академических регалиях и званиях.

Дело в его философской статье и гражданском менталитете, особой манере философствования и стиле общения. Передать их в одной статье невозможно (для этого понадобилось бы написать целую книгу). Можно лишь поделиться впечатлениями

¹ В данной статье приведены фотографии из архива автора, которые одобрены К.С. Пигровым.

об этом удивительно интересном человеке, но не исчерпать до дна источник его жизненной силы.

Еще в юности я не мог осмыслить проблему бесконечности Вселенной и только многие годы спустя нашел основное логическое затруднение, препятствующее постижению этой проблемы: человек как существо конечное не может вообразить себе бесконечное; только став бесконечным существом, он может попытаться поймать жар-птицу за хвост — найти свой путь в бесконечность (и, возможно, в бессмертие).

Философ ищет и выбирает свой путь в бесконечность, порождая множество идей, имеющих вечное, непреходящее значение. Вечность, бесконечность и бессмертие — категории одного порядка, становящиеся предметом постоянной философской рефлексии.

У каждого человека есть своя философия жизни, но большинство людей предпочитают ее скрывать. И только философ выносит ее на публичное обсуждение, высказывая свои сокровенные мысли вслух и делая их достоянием широкого круга людей. Может быть, в этом и состоит его призвание, чтобы делиться своими мыслями с другим человеком, который терзается поисками смысла жизни или сомневается в правильности избранного пути? Философия, кроме любви к мудрости, таит в себе возможность мысленного, заочного диалога с другим (другими) мыслящим существом.

Писать о Константине Семеновиче Пигрове — одно удовольствие. Все, кто знает этого человека, могут отметить его удивительный жизненный оптимизм, деликатность в общении, теплоту и человечность, искреннее уважение к людям и главное — неистребимый инстинкт создания все новых и новых ментальных пространств, дискурсов.

Пигров как философ неисчерпаем на выдумки, фантазии, темы, проблемы. Он весь, почти без остатка живет в текстах и тексты живут в нем, проникая в каждую частицу, каждую клеточку его одухотворенного организма. Но передать его «философию жизни» — задача невыполнимая в рамках одной статьи. Для этого необходимо собрать по крупицам все детали философской биографии, фрагменты книг и дневников, факты из его семинаров. А это сделать практически невозможно. Но вполне возможно написать краткий очерк, что я и попытаюсь сделать.

В качестве эпиграфа к параграфам очерка я взял максимы К.С. Пигрова, опубликованные им в книге «Шепот демона: опыт практической философии». Удивительно, но большинство из них звучат резонансом действительному отношению Константина Семеновича к людям, философии, самому себе. Но, будучи предельно концентрированными высказываниями автора, они выражают интенцию его философствования.

Исповедь человека. О дневнике К.С. Пигрова

Пигров много лет ведет дневник, приводя в нем не столько важные события своей жизни, сколько размышления о ее сложностях. Цель дневниковых записей он объясняет просто: достижение полноты бытия через генерацию текстов, обеспечивающих власть над собой, собственной жизнью [5, 5].

Итак, можно предположить, что Константином Семеновичем движет стремление упорядочить свою жизнь посредством текста, выделить в ней важное, настоящее и отрефлексировать жизненно важные проблемы.

Пигров не относится к числу тех, кого принято считать представителями философии истеблишмента, призванной оправдывать существующий порядок вещей

[5, 6]. Такого рода философии неведомо чувство стыда. Она предписывает то, что надлежит делать народу, не беря на себя ответственность за содеянное действующей властью. Тексты официальной философии пишутся лицедеями, которые «знают, как надо».

К.С. Пигров не знает, что делать другим людям. Точнее, он не готов давать им рецепты, стараясь быть до конца честным с ними. Насколько честным он является перед самим собой – известно только ему одному. Но выразить свое самосознание, открыть его другим, чтобы, наконец, узнать себя иным, тем, кто поворачивается к ним лицом, одевая маску перед встречей с ними, – можно только с помощью открытого текста, своего рода самоотчета.

Дневник – это текст не «вертикальный» и не «горизонтальный», он «точечный», это точка саморефлексии в пространстве «тотальной коммуникации», но точка, в которой заключена «актуальная бесконечность, это некоторый предел и, в известном смысле, итог бытийствования текста (и человека) вообще. Здесь случается самосознание» [5, 16]. Это беседа с самим собой, которая обнаруживает каждый раз смысл бытия индивидуальности.

Но смысл дневника как «беседы с самим собой» можно реализовать только через откровение, признание, заменяющие неверующему человеку исповедь. Ведь запись в дневнике, по выражению Пигрова, – точка самосознания. Это срез жизни, волнующий его в данный момент и во все времена существования в этом мире и выплескивающийся на бумагу при первом удобном случае.

Дневник К.С. Пигрова – это философические размышления автора о смысле и предназначении своей, а не чужой жизни. Причем в нем сочетаются обе ипостаси философии: созерцание («познать самого себя») и преобразование («изменить мир, с которым ты соприкасаешься»).

И еще одно. У меня есть подозрение, что в дневниках у Константина Семеновича имеется «двойное дно»: одно предназначено для читателей, которым следует, наверное, восторгаться афористичностью мысли профессора, а другое – зеркальное отражение, где имеется место для сомнений и самокопания, – для него самого. Поэтому всегда следует различать то, что он хочет сказать другим, и то, что он адресуется самому себе. Что же это: лукавство, позерство, самоограничение, самообман?

Ни то, ни другое, ни третье. Просто Константин Семенович Пигров – актер, актер на сцене своей жизни. В ней он, безусловно, главный герой. Откуда же берутся тогда его тревоги, сомнения и переживания, выплескивающиеся в дневник, в разговоры с коллегами и друзьями? Наверное, скажет критически настроенный наблюдатель, – это от излишнего усердия казаться, производить впечатление, увлекаться и, прежде всего, увлекать собой. Да и сам Пигров постоянно упрекает себя: «Не нужно быть покойником на всех похоронах и женихом на всех свадьбах» [5, 58].

Вот здесь, как мне видится, и есть объяснение. Дело не в излишнем усердии Пигрова казаться, не в самолюбовании, не в особенностях его самопрезентации. Секрет, наверное, в другом – в вольном или невольном желании Пигрова играть не только главную роль на сцене своей жизни, но и все второстепенные роли, подменяя при этом других людей, не способных, с его точки зрения, на столь красивую и вдохновенную игру вместе или наряду с главным героем. Говорят: короля играет свита, но никто или практически никто не говорит, что иногда и король играет свою свиту, дополняя и расширяя репертуар ее возможностей играть «короля».

Конечно, нельзя однозначно утверждать, что Пигров – король, у которого почти нет свиты. И его задумчивость временами вовсе не означает, что он непрестанно ищет подтверждения своего королевского величия и, не находя его, вынужден сам играть «играть свою свиту», расточая ей комплименты и рассказывая знакомым о том, какие замечательные люди его окружают.

Что же касается образа «жених на всех свадьбах», то это справедливо лишь отчасти: как лидер по натуре, Константин Семенович, всегда находится в центре внимания практически любой компании. В любой ситуации взаимодействия даже второстепенную роль Константин Семенович может превратить в главную, не оттесняя при этом на периферию жизненного пространства другого главного игрока, а становясь рядом с ним.

Дневник К.С. Пигрова – это исповедь философствующего героя, которому тесно в формальных рамках существующего театра жизни, в обычных «местах присутствия» (университете, семье и пр.). Он стремится расширить сценическую площадку за счет анализа своих неформальных связей, углубленной рефлексии всей жизни, раздвигающей горизонты его самосознания.

Жизненное кредо К.С. Пигрова

*«Твоя главная жизненная задача – сосредоточенный поиск и запечатление истины; фундаментальная сознательная решимость, обращенная к сути бытия»
(К.С. Пигров) [5, 88].*

Размышления о жизни на фоне самой жизни

К.С. Пигров любит жизнь и как это свойственно его актерской натуре, он предпочитает ее играть, призывая себя постоянно к большему погружению в роль главного героя: «Больше страсти и движения! Не нужно бояться жить!» [5, 62]; «Участвуй в битве жизни!» [5, 65].

Но всякий раз в нем побеждает философ-созерцатель и тогда он начинает снова и снова размышлять о жизни, общении, творчестве: «Жизнь – свободно становящаяся последовательность» [5, 71]; «Твой идеал жизни – уединенное чтение и письмо. Высокое общение – скупое и избирательное» [5, 82]. Пигров-созерцатель открывает новые феномены своей жизни: феномен «распущенной старости»; феномен «спонтанного угодничества»; феномен «“неискренней искренности”, порождаемый улыбчивостью» [5, 79]. В это время другой феномен, феномен «избыточного общения» на фоне неискренней искренности и спонтанного угодничества приводит его в очередной тупик, требующий саморефлексии.

Но как только рефлексивная пауза затягивается, и синдром одиночества усиливается, становясь невыносимым, Пигров-актер опять пускается во все тяжкие мира общения, подавляя в себе потребность к саморефлексии. Жизнь снова становится сценой, на которой проигрывается в очередной раз новая ситуация, рефлексировать которую не обязательно сразу. Можно ведь отложить рефлексивную работу на потом, когда возникнет острое желание высказать самому себе собственные сомнения, сопровождая их метафорическими высказываниями для других – читателей и собеседников.

Перед нами снова раскрывается удивительная жизненная драма тонко чувствующего, интеллигентного человека, чье сознание напряжено до предела, пытаюсь примирить две позиции сразу: героя-актера и философа-созерцателя.

К.С. Пигров критически оценивает возможности внутренней работы: «Доминирующие краски твоего духа — ностальгия и апатия. Апатия — возвышенное недояние и внутренняя работа. Ностальгия — художественное отношение к миру» [5, 63]; «Ты переживаешь себя как случайностное существо» [5, 85].

Червь сомнения так свойственен его рефлексии. Уже поднявшись на очередной уровень развития, он никак не может отказаться от себя предыдущего, расстаться с образом себя прежнего, чтобы обрести, наконец, себя настоящего. В этом и заключается, на мой взгляд, скрытый нерв его жизни, придающий ей особый драматизм и внутреннюю противоречивость.

Самосознание и его жизненное кредо

Пигров ищет себя, собирая свой образ каждый раз по крупичкам. Образ — точка в самосознании. И его собиранию посвящен дневник: «Смысл дневника в том, что он формирует и укрепляет твое самосознание... Итоги 60 лет: снаружи все как будто в порядке, но внутри — рыхло. Зато в самой глубине таится здоровое твердое ядро, выявляемое и высказываемое дневником» [5, 87]. Он приказывает себе: «Не терять самосознания. Ни дня без строчки в дневнике» [5, 58].

Но так ли все происходит на самом деле? Судить не нам, но и не Пигрову тоже. Что там внутри («твердое ядро» и пр.) нам никогда не дано узнать. Ведь о человеке нельзя узнать только по тому, что он думает о себе и говорит об этом другим. Недостаточно также знать и то, как он проявляет себя в отношении этих других. Человек — загадка, прежде всего, для самого себя. Он не способен выйти из самого себя даже путем медитации. В нем после вычета эмоций остается «осадок» или «остаток» — твердое, незыблемое ядро.

В самосознании Пигрова соединяются самость («твердое ядро» или «матрица предназначения») и «другость» («матрица других»).

Итак, самость К.С. Пигрова или его «твердое ядро» базируется, с моей точки зрения, на особой матрице предназначения. Что же Пигров хочет осуществить в своей жизни?

Из интервью с К.С. Пигровым (Санкт-Петербург, 23 января 2008 г.):

Ю.М. Резник: Следующий вопрос об алмазе, который символизирует для меня Ваше жизненное кредо. Алмаз, как я его понимаю, — это некая незыблемая основа Вашей личности, постоянно включенное воображение, которое заставляет, побуждает и мотивирует Вас прорываться все дальше и дальше? Что же это? Некий камешек с огранкой из того, что Вы уже сделали, своеобразный монолит Ваших философских достижений, или это, напротив, природный камень, организующий и направляющий Ваше творчество на новые и новые рубежи?

К.С. Пигров: Я был бы слишком самоуверен, если бы полагал, что этот алмаз сформировал сам. Для меня здесь ключевая фигура — дед, поскольку отца я не знал. Он задает точку отсчета, некую шкалу, в которой вмонтированы представление о высоком и низком, некая система ценностей. Но она не всегда проявляется потому, что «болото» ее обволакивает.

Ю.М. Резник: И это есть система незыблемых принципов, оснований, на которых базируется Ваш философское и жизненное кредо?

К.С. Пигров: Да, это так. И это приходит как спасение.

Ю.М. Резник: *То есть когда Вас доводят до крайней точки кипения, говоря, что «либо ты пишешь заказную и необъективную рецензию человеку, далекому от науки, либо откажись от выгод своего положения», — срывает Ваше «ядро». Правильно ли я Вас понимаю?*

К.С. Пигров: В данном случае, не совсем правильно, потому что я не принимаю все это всерьез. С другой стороны, это только схема. На самом деле все проявляется гораздо сложнее. В отношении семинаров я тоже полагаю, что во мне есть некий дар вести семинар, и этот дар всякий раз проявляется как импровизация с теми людьми, которые присутствуют. И таким образом выстраивается, я думаю, некая логика. Сама же композиция (здесь существенны музыкальные аналогии) происходит от твердого ядра, это глубинное.

Вопрос о предназначении лучше всего проиллюстрировать цитатами из самого Пигрова: «Главное в творчестве философа — выбор проблемы» [5, 69]; «Любое бытие становится подлинным, если оно подвергнуто рефлексии» [5, 72]; «Делай то, что доставляет тебе высокую радость, и пусть доставляет тебе высокую радость то, что ты делаешь» [5, 74]; «Чтение без письма неэффективно... Общество воспитывает тебя через публикацию» [5, 82].

Таким образом, для Константина Семеновича важнее всего заниматься философским творчеством. И он этого не скрывает. Но вот выбор тем для обсуждения и разработки иногда шокирует даже близких к нему людей (например, «Философия пира», «Философия пива» и т.д.). На первый взгляд это — выбор абстрактных тем. Как увлекающаяся натура, Пигров отталкивается от рефлексивного опыта собственной жизни. Казалось, он говорит и пишет только о том, что его волнует в данный момент, а не том, что бы было интересно обсудить кругу близких ему по духу людей.

Но это не совсем так. Он готов идти на компромиссы, уступая порой позиции более сильного и уверенного в себе человека. Одним словом, я знаю Пигрова как человека уступчивого и склонного к компромиссам в сложных ситуациях взаимодействия, особенно в тех из них, где речь идет о приближающемся конфликте, которого его натура предпочитает всячески избегать.

К.С. Пигров как философ

*«Молчи! Запечатлей истину, но не торопись
высказывать ее на каждом перекрестке.
Читай и перечитывай классические книги,
пиши большие серьезные тексты»
(К.С. Пигров) [5, 88].*

К.С. Пигров и самодеятельная философия

Отношение Пигрова к профессиональной и самодеятельной философии наиболее полно выражено в его статье «Профессионалы и самодеятельные философы: к развитию рецептивной философии», опубликованной в нашем журнале. «Всякий, кто работает на философском факультете, — пишет он, — еще в советские годы встречал этих несколько странных людей, которые “приходят с улицы” и приносят свои рукописи, где они стремятся разрешить какие-то проблемы, представляющиеся им

философскими. У них нет философского образования, они никак профессионально не связаны с философией. Но в них горит живой огонь интереса к этой прекрасной области человеческого духа. Они чувствуют, что философский факультет это “лучшее место в городе”; они приходят сюда, чтобы ознакомить профессионалов со своими результатами, но, главным образом, — пообщаться с теми “небожителями”, для которых философия есть профессия» [4, 106-107].

Каков же смысл вкладывает Пигров в понятия профессиональной и самостоятельной философии? «Вопрос о профессионализме и самостоятельности (дилетантизме, любительстве) — это вопрос об *идентифицированности* или *неидентифицированности* индивида в области духовного производства, об его *социализированности*. Профессионализм — одна из наиболее мощных форм социализации в новоевропейской культуре. Профессионал — это человек, который идентифицирован с определенной профессией, а потому он принят обществом. Любитель не идентифицирован с профессией, является маргиналом по отношению к ней...

Итак, “схема” профессионала такова: если кто-то обладает определенными знаниями, навыками, опытом, то он идентифицирован с определенным профессиональным сообществом... Теперь становится ясно, где коренится амбивалентность оценки дилетантизма и профессионализма. Она в непреходящем внутреннем конфликте архаики и цивилизации. Дилетант — это человек, в котором плещется первобытный хаос. Это хтоническое чудовище опасно, но может быть и плодоносным. Дилетант непредсказуем, никогда не знаешь, что от него ожидать, но в непредсказуемых, нестандартных ситуациях он со своей дионисийностью может быть весьма “полезен” и даже незаменим, поскольку в таких ситуациях нет заранее заданных алгоритмов и стереотипов деятельности. Аполлонический профессионал предсказуем и надежен в стандартной ситуации, но в цивилизационных разрывах он может быть просто тупым и выбирать гибельные решения...

Профессионалы и самостоятельные философы — это два момента единого целого, философского процесса. Они жизненно необходимы друг другу, хотя и напряженно конкурируют. Было бы неправильно, тем не менее, их противопоставлять. Самостоятельные философы несут мужское начало новизны в философском процессе, а профессионалы — несут женское начало значимости. Каждый любитель настолько профессионал, насколько своим любительством он достигает общих целей развития философии. Профессионал настолько любитель, насколько ему доставляет высокую радость сам процесс занятий философией, безотносительно к достижению каких-то внешних, может быть даже благих, целей» [4, 109-130].

Итак, профессионал — это «человек, который идентифицирован с определенной профессией, а потому он принят обществом». А самостоятельные философы, не признаваемые обществом, что же достается им?

Мне нравится вывод К.С. Пигрова о том, что с «идеей гражданского общества тесно связан феномен философской публики и самостоятельного философствования. Ведь гражданское общество и организовано по принципу самоорганизации, т.е. — самостоятельности. Структура самостоятельного философского сообщества в стране, несомненно, выступает как некоторая часть гражданского общества, причем весьма существенная часть, ибо она “обеспечивает” гражданское общество рефлексией» [4, 121-122].

Я не знаю, почему Константин Семенович не относит к гражданскому обществу профессиональных философов. Приписывать самостоятельным философам функ-

ции обеспечения гражданского общества рефлексией – это явное преувеличение. Что же тогда остается профессиональному сообществу – консультировать действующую власть? Что-то здесь не стыкуется.

Профессионалы и дилетанты выполняют роли, восходящие еще к архаике, – роли жрецов и шутов [1]. «Жрец-профессионал, или – профессионал как жрец, всегда серьезен, спокоен и величав. Самим своим спокойствием он внушает уверенность окружающим, которые зависят от его действий. Это совершенно необходимо в философском образовании: преподаватель должен быть серьезен, иначе его слова не будут убедительны для студента. Дилетант как шут – маргинал в профессии – несет в себе комическую стихию, склонен к юмору и смеху, к парадоксам и игре» [4, 109-130].

Вот здесь, пожалуй, и содержится ответ на мой вопрос. Маргинал, он же шут, является субъектом рефлексии гражданского общества, тогда как серьезный и величавый профессиональный философ вынужден довольствоваться трибуной оракула или жрица. Каждому, как говорится, свое.

Но обратимся теперь к саморефлексии самого Пигрова. Он признается сам себе в «Шепоте демона»: «Твоя философская позиция эклектична. Эклектизм связан с терпимостью к случайным людям. Эклектизм – это проявление непродуманности. Эклектизм – это неоконченные дела. Эклектизм это инобытие дилетантизма. Ты не профессионал потому, что берешься не за свое, хочешь быть заметным... Дилетантизм рождает перенапряжение воли, стимулирование себя количественными оценками (сколько страниц написал). Мол, лучше издать плохую книгу, чем промолчать» [5, 60-61]. Или следующее высказывание: «Твоя жизнь как преподавателя идет под знаком хлестаковщины, блефа и приблизительности (в противоположность честному профессионализму)» [5, 83].

В данном фрагменте автор упрекает себя в непрофессионализме и эклектизме, высказывая сожаление о том, что приходится идти на компромисс между профессиональными притязаниями и дилетантскими привычками.

Итак, различие между самодельной и профессиональной философией весьма условно. Что нужно знать и уметь для профессионального овладения философией? Необходимо:

- знание философских текстов и, прежде всего, философской классики;
- умение оперировать философскими понятиями и категориями;
- способность производить тексты, соответствующие требованиям, которые приняты в данном философском сообществе;
- умение участвовать в философском дискурсе.

Все это в полной мере присуще К.С. Пигрову. Как профессионал, он имеет определенную идентичность, признан сообществом и, безусловно, «читал все существенное в своей области». Как в дилетанте в нем пребывают первобытный хаос, маска шута и непредсказуемость. В дополнении ко всему Пигров-созерцатель находит свое продолжение в серьезном и молчаливом профессионале, а Пигров-актер реализует свой потенциал к игровой импровизации в позиции дилетанта.

И мы снова сталкиваемся с противоречивостью личности К.С. Пигрова, которая находит свое выражение в очень значимой для него сфере жизни – философии. Так что же в нем берет верх: уровень глубины и созерцательность честного профессионала или интеллектуальный блеск дилетанта с присущем ему любознательностью?

Взгляд из своего «болота»

Каждый кулик хвалит свое болото, а профессор Пигров любит свою философию, хотя и любит ее особенной любовью. Временами, когда в нем выплескивается первобытный хаос и проявляется облик хтонического существа, он ведет себя не по «правилам» профессионального сообщества, предлагая ему на обсуждение «пограничные» темы и проблемы.

Проблема дилетантства в философской практике Пигрова затрагивается не только в дневниковых записях, но и в материалах интервью.

Из интервью с К.С. Пигровым (Санкт-Петербург, 23 января 2008 г.):

Ю.М. Резник: *С одной стороны, Вы постоянно говорите о новых темах, которые порой возникают у Вас как грибы после дождя. Как правило, любой семинар завершается у Вас появлением новой темы. В этом проявляется игровой момент: игра в слова, игра в темы. Это зачастую воспринимают в Пигрове как нечто непрофессиональное, дилетантское. Для меня дилетантизм в философии – это наслаждение и развлечение себя и других в процессе жизнетворчества. С моей точки зрения это, напротив, сильная черта.*

С другой стороны, Вы говорите о таких вещах, как «уровень глубины» и качество научной деятельности. Словом, в Вашей философской практике наблюдается постоянное балансирование на грани между дилетантством и профессионализмом позитивистского толка в философии.

Как это у Вас совмещается и чего у Вас все-таки больше – качеств дилетанта или профессионала-позитивиста?

К.С. Пигров: Помните ли Вы финал «Шепота демона», это то, что писалось 60 лет. Так изображена моя схема: первый взгляд снаружи – все находится на месте, это успешный человек, у него все в порядке; следующий слой, куда я углубляюсь, там присутствуют рыхлость, сомнительность, нечеткость, неправда, дилетантство, там «жених на всех свадьбах», «покойник на всех похоронах».

Но ты углубляешься еще дальше и там, в глубине обнаруживаешь твердое алмазное ядро. Я думаю, что это касается не только меня. И полагаю, что этот уровень дилетантства зыбкий, средний, аморфный, неправильный, болотообразный, но нужно признать, что это болото плодоносно, потому что я в массе своей сформирован из *этого болота*.

Если же говорить о профессионализме, то это тот внешний слой. Ко мне приходит мой аспирант, приносит автореферат, я начинаю его править так, чтобы все прошло через диссертационный совет. С этой точки зрения, такая профессиональность поверхностна и, слава богу, что там есть болото, потому что я бы был просто тупым и прямолинейным, если бы у меня не было ничего, кроме этой профессиональной оболочки.

Я – не ученый. Я – философ!

Я не один раз задавал Константину Семеновичу вопрос о том, кем он себя больше считает: человеком науки или философом? И всякий раз он отвечал: я не ученый, я философ. Но и среди философов существуют свои предпочтения.

Из интервью с К.С. Пигровым (Санкт-Петербург, 23 января 2008 г.):

Ю.М. Резник: *Константин Семенович! У меня такой еще вопрос: есть два типа философов. Одни склонны создавать мировоззренческие системы. Это – «системщики». Чаше всего это выражается в жанре написания учебников, так как этот жанр требует, что-*

бы ты все свел в какую-то систему взглядов. И есть другой тип философов – «фрагментарщики», мыслители, которые выделяют некий фрагмент реальности, знаниевой (символической) и социальной, и стремятся в проблемном ключе или каком-нибудь другом это изложить в монографическом стиле. Но есть еще и третий тип, – «статейники», т.е. те, которые пишут статьи или готовят сборники и не находят в себе возможностей или желания написать нечто большое. Какой тип больше подходит Вам?

К.С. Пигров: По сути, я «фрагментарщик». Вот так, к примеру, написан «Шепот демона». Что там любопытного? Фрагмент, который всплывает и уходит, и вдруг, когда эта тема ушла, и ты про нее почти забыл, она сама неожиданно всплывает, сплетается с другой темой, третьей и т.д. Такое выстраивание оказывается гораздо музыкальнее, чем простое построение логики повествования. Я «фрагментарщик», но поскольку работаю в университете, то должен студентам представить систему взглядов, и я подчиняюсь этому требованию, выстраивая ее. Мы делаем это вместе со студентами. Вот, если помните, у меня в учебнике имеются необычные слова похвалы студентам. Это все искренне и правда, потому что учебники пишутся вместе со студентами, даже если они при этом молчат, так как по ним видишь, что есть что. Они – твои первые эксперты. Кстати, мы должны были бы, когда говорим обо мне, по крайней мере, выбросить слово «научный». Я готов «играть» в науку, я понимаю, что нужно знать температуру и т.д. Но я не ученый, и не потому что не могу быть ученым. Я думаю по-другому. Мне нравится философский склад мышления.

Ю.М. Резник: *Но давайте не будем путать слова «ученый» и «научный работник». Скажем так, ученый – это человек, производящий новые знания в соответствии с критериями философской и научной рациональности.*

К.С. Пигров: Для меня эти термины имеют другой смысл. Ученый – это фигура галилеевой науки, начиная с XVII в. Вот, к примеру, Гельмгольц – ученый, а научный работник – это частичный ученый, возникший в эпоху НТР, когда он стал работать в НИИ. Ученый ведь отслеживает весь цикл производства новых идей, а научный работник, или специалист, что одно и то же, это человек, которому дают узкую проблему, которой он занимается. С этой точки зрения, может быть к Аристотелю подходит слово «ученый», но это все-таки финальный итог. Разве можем мы сказать про Платона, что он ученый? Философ – да. Я-то чувствую себя философом, а никак не ученым.

Ю.М. Резник: *Ну, это вопрос спорный и я не хотел бы сейчас в эту сторону отклоняться. Философ – это тоже ученый, но только иного качества. Задам Вам теперь следующий вопрос. Меня как человека, занимающегося философией, заботит то, что многие из нас не являются самостоятельными исследователями, а чаще всего выступают трансляторами чужих идей. Это приводит к отставанию отечественной философии.*

Например, Вы читаете курс новейшей социальной философии, неважно в какой логике, но и Вы являетесь хорошим интерпретатором, транслятором того, что уже сделано до Вас, и Ваш подход «накладываются» на содержание всего курса. Именно потому, что Вы по-своему интерпретируете те или иные концепции и учения.

Но данное обстоятельство не отменяет деление на трансляторов и носителей собственной доктрины, людей, которые дают новое видение социальной реальности. И мне трудно отнести порой наших философов к тем или иным школам. Как мало среди нас доктринально и концептуально мыслящих людей. Скажите, пожа-

луйста, насколько Вам удастся культивировать в себе концептуальный уровень философского мышления?

К.С. Пигров: Увы! Это уже лежит не в сфере моей компетенции. Мой сын как-то меня огорошил года четыре назад, сказав: «А ты знаешь, что на самом деле любой человек до скольких бы лет он не жил, в 35 лет умирает, его уже нет». А когда мы говорим о производстве новых идей, то на это способны именно те молодые люди, которых мы губим жесткой дисциплинарной системой вуза. С этой точки зрения, надо поддержать интересы, которые у них есть, а они часто бывают просто блестящими и оригинальными.

Ю.М. Резник: Ну, знаете, я не совсем с Вами согласен, поскольку видел, что сегодняшней семинар, который Вы превратили в своеобразное шоу, состоял из талантливых интерпретаторов, большей частью людей старшего и среднего возраста. И среди них не было молодых исследователей, способных предложить что-то, кроме оригинальных интерпретаций.

О философских интуициях профессора К.С. Пигрова

Я убежден, что философами не рождаются, ими становятся в процессе познания жизни и обнаружения феноменов, которые нельзя объяснить лишь познавательными средствами науки. Ученый апеллирует к фактам, обнаруживая все новые и новые связи между явлениями действительности, условно выделяемые в его предметную область. Философ же вооружен интуицией, причем философской интуицией, благодаря которой он проникает в суть вещей и явлений, лежащих за границей собственно научного познания.

К.С. Пигров как философ в полной мере обладает интуицией.

Из интервью с К.С. Пигровым (Санкт-Петербург, 23 января 2008 г.):

Ю.М. Резник: Константин Семенович! Каждый день Вы выходите к студентам, общаетесь с ними, смотрите им в глаза. Вы пишете учебники, дневники, статьи. Вы встречаетесь с коллегами, проводите вместе с ними семинары. И неужели за всем этим не просматривается какая-то определенная последовательность в поиске собственной картины мира, которую Вы передаете своим студентам и ученикам, привлекая идеи Платона, Гегеля, Аристотеля (а не прикрываясь их авторитетом) и выступая от собственного имени? Как Вы пришли к своим интуициям, определяющим Вашу позицию в философии?

К.С. Пигров: Я это называю «исходными интуициями». У меня их существует две, и я не считаю, что это я их сам выработал, сотворил. Мои интуиции возникли от религиозности деда, и отсюда мой реализм в философии, и я чувствую себя как представителя сословия Поповичей, священнической семьи. Священники — это то, что у Платона есть первое сословие. Через деда я чувствую свет.

А вторая линия тоже для меня весьма существенная. Она связана с матерью, которая была биологом. Она привила мне натуралистический взгляд на мир. Эти два взгляда не противоречат друг другу, поскольку жизненный порыв может рассматриваться как божественный. Я, по-моему, уже рассказывал Вам о своей исходной интуиции, которая у меня была в отношении того, что человечество движется по пути морфофизиологической эволюции. На первый взгляд это чисто биологическая схема, где задействована техника, но вместе с тем она космична (это термин Северцева, который говорит, что развитие различных организмов происходит по разным стратегиям прогресса, когда там происходят усложнения, регрессы, вырожде-

ние живых организмов, и морфофизиологического регресса, когда например плодovitость растет, главными становятся органы питания, размножения, а органы движения и действия вырождаются). Я думал, что в связи с техникой то же самое происходит и с человечеством, но сейчас я понимаю, что это было бы слишком примитивно.

Эти две интуиции даны мне по наследству: «реалистическая», которая идет от дела, и «натуралистическая», идущая от матери. Я бесконечно прокручиваю то, что мне говорил дед, и говорила мать, у которой для пятнадцатилетнего юноши были довольно циничные высказывания.

Ю.М. Резник: *И все-таки, Константин Семенович, в нашей беседе Вы используете технику ухода, уклонения от откровенного разговора: то Вы «прячетесь» за авторитет Аристотеля и Платона, то ищете «оправдание» в двух наследственно усвоенных (дедовской и материнской) линиях. Где же все-таки заканчиваются наслоения, привнесенные Вашими предками или мыслителями прошлого, и где начинается сам Пигров?*

К.С. Пигров: Если б я это знал.

Думаю, что Константин Семенович лукавит, утверждая, что у него нет собственного видения мира и понимания социальной реальности, в частности. Но это уже относится к наиболее привлекательной для него сфере интеллектуальных занятий – социальной философии.

О социальной философии

К.С. Пигров – один из главных участников процесса формирования социальной философии в нашей стране. Он – заведующий кафедрой социальной философии факультета философии и политологии СПбГУ, автор учебников, учебных программ. Что же означает для него заниматься социальной философией?

Приведем точку зрения самого автора о предназначении и предмете социальной философии: «Интенция социальной философии связана с общим *порывом* к постижению предельных оснований. Для социальной философии необходимая связь имманентного и трансцендентного осуществляется через социум. *Социальная философия имеет своей целью постижение всеобщего через изучение социума.* Сквозь полупрозрачную сферу социума, через такой своеобразный «магический кристалл», нам становится видным трансцендентное, незаметное простому взгляду. Философский смысл общества обнаруживается в том, что оно открывает индивиду всеобщее... Перефразировав иронический афоризм Д. Бернала можно сказать, что *социальная философия – это та дисциплина, которой занимаются социальные философы.* Скажем, существует такая форма организации как кафедра в рамках философского факультета. Пусть это будет кафедра социальной философии... Конкретно социальную философию отличает от теоретической социологии и любой позитивной социальной теории по крайней мере два момента. Это *нормативность* и *антитетичность*...

Социально-философская рефлексия носит двоякий характер: 1) сам социум рефлексивируется с точки зрения его смысла, т.е. социум включается в контекст мирового целого как некоторая органическая его часть; 2) рефлексивируется само *социоморфное видение* всеобщего как один из фундаментальных типов видения мира в целом.

Можно сказать, с этой точки зрения, что, во-первых, к постижению самого социума применяются общефилософские методологические процедуры, и, во-вторых, что социальное – это даже не предмет, а один из фундаментальных *методов* постижения смысла всеобщего, с помощью которого оно раскрывается...

Пафос социальной философии в том, что хотя всеобщее «концентрируется» в самосознании человека, в его субъективности, но постижение предельных оснований бытия и мышления не дано отдельному человеку, но дано организованному единству отдельных индивидуальностей, — дано, в конечном счете, всему социуму» [3, 63–68].

В этом, пожалуй, заключается новаторский подход К.С. Пигрова к определению предметной области социальной философии. До сих пор философы пытались прояснить основания познания социальной реальности, стремясь «схватить» социальное в его целостности и качественной определенности. В чем же состоит вклад Пигрова?

Во-первых, он принципиально меняет взгляд на природу социального, подчеркивая, что социальное — это даже не предмет, а один из фундаментальных *методов* постижения смысла всеобщего.

Во-вторых, что особенно важно, всеобщее раскрывается у него через социальное, а не наоборот. Причем последнее возможно постичь не отдельному исследователю, а лишь коллективу или социуму в целом.

В-третьих, автор привносит в понимание социальной философии значительный элемент практики. «В конце концов, если взять смысложизненный аспект, всегда имплицитно присутствующий во всяком философском учении, то *социальная философия учит, как достойно жить в массовом новейшем обществе и быть свободным от него и через него...*» [2, 57–68].

Таким образом, социальная философия для К.С. Пигрова — это значимая для него часть философской рефлексии, обращенной к раскрытию всеобщего через постижение социального. Пожалуй, лучше не скажешь.

Можно, конечно, не соглашаться с таким подходом. И различные возражения против подобной позиции были высказаны Пигрову на прошедшей в сентябре 2006 г. дискуссии. Представляя учебник Константина Семеновича «Социальная философия», я говорил тогда следующее.

«Учебников по социальной философии, которые можно рекомендовать, сегодня не так уж и много. Готовится к печати учебник П.К. Гречко, В.Н. Шевченко выпустил учебник, В.С. Барулин несколько раз переиздавал свою «Социальную философию». К.С. Момджян готовит второе издание «Введения в социальную философию». Были также изданы книги Крапивинского, Кемерова, которые не прошли незамеченными, особенно книга В.Е. Кемерова, вызвавшая много вопросов и споров.

И вот, наконец, появилась еще одна книга. Сегодня мы представляем весьма неординарную работу — учебник по социальной философии профессора Пигрова Константина Семеновича...

Что же мы требуем от хорошего учебника, с учетом, конечно, того, что он должен вписываться еще и в современный образовательный стандарт?

1. *Определенность формулировки предмета философии.* Во многих случаях авторы, заявляя о своем понимании предметной области социальной философии, сбиваются на изложение традиционных для истмата или общей социологии тем.

2. *Соответствие содержания учебника указанному предмету.* Иногда заявляется, что социальная философия — это то-то и то-то, а потом следует веер проблем и тем, которые не имеют отношения к исходной формулировке ее предмета. Тем самым утрачивается единая нить изложения, а сама социальная философия теряет свои предметные ориентации.

3. Полнота охвата ключевых проблем социальной философии, хотя бы с минимальным учетом тех требований, которые сегодня предъявляет образовательный стандарт. Сами же требования стандарта зачастую разрабатываются авторами, не имеющими прямого отношения к преподаванию социальной философии.

4. Степень философичности и философской направленности данного учебного издания, поскольку оно предназначено для студентов.

5. Наконец, доступность и стиливая компактность изложения материала.

С точки зрения перечисленных выше формальных критериев, учебник К.С. Пигрова стоит особняком. Он нарушает привычные традиционные рамки канона учебника, выпадая из них.

Мне представляется, что это больше похоже на эссе или размышление, чем на систематическое изложение учебного материала. Я бы даже дал книге другое название: «Начала социальной философии», но не с точки зрения элементарности и упрощенности подачи материала, а того, что перед нами начало какого-то совершенно нового социально-философского дискурса.

Несколько слов о некоторых формулировках предметного содержания социальной философии. Так, формулировка, в которой дается определение дисциплины, является, с моей точки зрения, слишком расплывчатой: «Социальная философия постигает всеобщее через изучение социума». Или: «Философский смысл общества обнаруживается в том, что оно открывает индивиду специфический ракурс всеобщего». «Социальная философия учит, как жить в массовом новоевропейском обществе». И т.д., и т.п.

У автора имеется весьма специфическое представление о структуре философии. При этом он ссылается на Канта: всякая философия должна включать логику, физику и этику. Вообще этическая направленность этого учебника бросается в глаза. Проблема добра и зла, источников зла пронизывает содержание всего учебника.

Конечно, книга профессора Пигрова вызывает много вопросов, и тем она интересна подготовленным читателям. Я уже сказал, что воспринимаю ее как сборник философских эссе и размышлений автора, его рефлексивного погружения в социальную реальность.

Читая Пигрова, я не вижу у него универсальных, ставших традиционными для философии тем, — скажем, общественное бытие, общественное сознание и т.п. У автора преобладают другие темы и совершенно иной подход. Этим его учебник, видимо, и привлекает наше внимание. Встречаются разные фрагменты моделей социального мира, которые разбросаны по книге, что затрудняет восприятие материала.

Пигров как человек мне очень интересен и симпатичен. Пигров как социальный философ мне не совсем понятен. Я пытаюсь в этом разобраться, и считаю, что мое первое знакомство с этим учебником оставило массу догадок и недоговорок. Как для читателя, позиция автора мне не совсем понятна. Она порой растворяется во множестве цитат, ссылок, комментариев, которые прилагаются к каждой главе.

Едва выбравшись на берег рациональности, ее твердую почву, я тут же тону в иррациональности, в каких-то чувственных образах. Порой меня захлестывает волна эклектичности, эксцентричности, неопределенности, которые присутствуют в некоторых интеллектуальных пассажах и ходах К.С. Пигрова. Наверное, я — человек традиционного склада мышления, и мне не всегда понятны некоторые постановки главных, с точки зрения автора, вопросов социальной философии. Для меня

более понятны вопросы: «Что есть или как возможно общество»? «Как его можно понимать и познавать»? «Как постичь тайну бытия человека в обществе»? «Каковы, наконец, границы наших представлений об обществе, включая гносеологические тупики социальной философии»? Но автор не ограничивается только этим и идет дальше, ставя новые, неожиданные даже для профессионального читателя вопросы: «Как быть счастливым в обществе?», «Как быть свободным в обществе?». Но это-то как раз и манит к себе, привлекает своей тайной, неизведанной глубиной и свежестью мысли.

Возможно, Пигров уже проник в эти тайны, и сообщает нам об этом, находясь в позиции глубокого рефлексивного погружения. Но не буду опережать ход предстоящей дискуссии...».

Что к этому можно добавить сегодня? Итак, перед нами открывается совершенно оригинальный взгляд на социальный мир и его философское постижение. В лице К.С. Пигрова мы встречаем не просто неординарного, а одаренного исследователя тайн социального бытия человека, которые пропускаются сквозь фильтр авторского понимания, его гражданской позиции и неповторимого жизненного опыта. Наше несогласие с ним и его идеями только усиливает эффект философского дара Константина Семеновича, вызывающего всегда личностное отношение к содержанию затрагиваемых им тем и порождающего столь разные мнения и оценки у читателей. И постепенно у каждого из нас, его коллег и соратников, складывается свой образ Пигрова-философа. Но разве это не есть прямое и во многом благотворное действие на нас его неповторимого и обаятельного стиля философствования?

Философские встречи К.С. Пигрова

*«Все и всех держи на дистанции, будь избирателен.
Помни о великом благе высокого уединения»
(К.С. Пигров) [5, 88].*

«Дистанция» общения

Не правда ли, уважаемые читатели, слова, приведенные в эпиграфе, весьма далеки от реальной практики общения Константина Семеновича Пигрова? В повседневной жизни он совершенно другой — веселый, доброжелательный, деликатный и внимательный к людям. В нем преобладает страстная и энергичная натура актера, не способного жить и творить в полном одиночестве и остро нуждающегося в собеседниках и партнерах.

Тема избирательного и дистанцированного отношения к людям, с которыми Константин Семенович предпочитает вести душевные беседы, пронизывает его дневники. Приведу лишь отдельные фрагменты из его высказываний: «Быть избирательным — это значит жить набело. Принцип избирательности — это принцип правды, серьезности и строгости» [5, 66].

И здесь звучат сожаления о дефиците общения с «полезными» для укрепления собственного духа, «настоящими» людьми: «Принимаешь всерьез тех, кто рядом, забываешь о существовании настоящих людей, с которыми было бы возможно высокое общение» [5, 59]; «Все люди — враги. Отсюда — принцип дистанции и молчания. Не поддавайся ревности и зависти, спокойно относись к поражениям в сопер-

ничестве. Хорошо играй свои роли, преодолевай желание выйти из игры!» [5, 66]; «Ты маленького недостойного человека мыслил как Мефистофеля. Не нужно люциферизировать людей» [5, 65].

Сомневаюсь, что вырванные из контекста повествования фразы могут убедить читателя в правдоподобности истинных намерений автора. Ведь в них содержится столько противоречивых суждений: так мы встречаем в его дневнике выражение «все люди – враги» и чуть позднее другое, прямо противоположное высказывание «не нужно люциферизировать людей».

Чему или кому же тогда верить? Верить надо настоящему, живому Пигрову, временами уверенному в себе и постоянно сомневающемуся человеку. Об этом свидетельствуют его следующие высказывания: «Не думай о впечатлении, которое ты производишь. Убери болтливую улыбчивость. Состояние взаимного восторга должно тебя настораживать. Ложь рождается жадной одобрения. Ты сам себе высший суд» [5, 60-61].

Желание обрести гармонию в общении переполняет автора и он формулирует целую программу по оптимизации взаимодействия с другими людьми: «Общаться необходимо, но общаться а) избирательно; б) дистанционно; в) предметно (по поводу и в форме публикаций)» [5, 81]; «Программа избирательности: а) выбирай, с кем общаться; б) выбирай книги для чтения; в) не пиши на “случай”; г) не допускай тирании вещей; д) не откровенничай с каждым» [5, 66].

И тут же мы встречаем его рекомендации самому себе о том, как избежать тирании общения с «пустыми» людьми и не допустить их вторжения в свой внутренний мир, держа их все время на дистанции: «Ты должен преодолеть мелкий круг общения, провинциализм... Нельзя пить с каждым» [5, 69]; «Ругать только в глаза, хвалить только за глаза – принцип рыцарственности» [5, 72]; «Не нужно никого воспитывать» [5, 85].

Пигров-созерцатель мечтает об уединенности и медлительности (плавном течении) жизни: «Смысл уединения в том, что оно дает благо неторопливости... Морок торопливости рождается безотчетной тревогой, происходящей от нефилософского взгляда на жизнь» [5, 64]; «Главное в жизни выявляется в одиноких прогулках» [5, 67].

Так где же искать «золотую середину» в словах К.С. Пигрова? В стратегии интенсивного общения или уединения в тиши кабинета? В присущем его социальному организму противоречии между философом-актером, позером и «искателем приключений», с одной стороны, и философом-созерцателем, одиноким странником, ценителем уединенности, с другой.

Его семинары

Отдельная страница жизни и творчества Пигрова – организация авторских семинаров. Он сочетает в себе качества организационного лидера и идейного, содержательного руководителя.

Из интервью с К.С. Пигровым (Санкт-Петербург, 23 января 2008 г.):

***Ю.М. Резник:** Обратимся теперь к организуемым Вами семинарам. По стилю мышления существует несколько категорий участников семинара: «предметники», которых зовут на семинар по социальной философии или философской антропологии, по философии культуры или культурологии, и там уже устанавливаются темы, которые задают содержание обсуждения; «проблемники» – это в большей степени относится к тем, кто предлагает интересное решение проблемы и не озабочен предметностью. С*

моей точки зрения, Вы являете собой третий тип. Вам интересны не предметные сферы дискуссии и даже не их проблемное содержание, а нюансы. Вы – «нюансник», т.е. человек, который получает удовольствие от нюансов. Правильно ли я Вас понял?

Для Вас, как человека, искусственно конструирующего темы семинаров (например, «чистота и порядок», «центр и периферия» и т.д.), что важнее при выборе темы?

К.С. Пигров: Попробую ответить. Вот может быть на теме «Женская красота», которую мы с Вами наметили сегодня, это будет виднее. Бывает женщина, у которой все при себе, идеальная фигура, но она не живая. А есть такая как Ахеджакова или Чурикова, – вот та ситуация, когда в нюансах высвечивается суть дела, т.е. подлинное в людях и в целом мире. Мы видим в этих нюансах отблески духа. А это для меня новая проблема, которую стоит разрабатывать. Даже не проблема, а ракурс. Я чувствую себя ближе к проблеме, когда она находится в моем ракурсе.

Ю.М. Резник: Но предлагаемые Вами проблемы настолько искусственны по своим основаниям и столь далеки от жизни, что складывается впечатление, будто бы Вы конструируете совсем другую реальность. Мы все, конечно, живем в символической реальности. Недавно Вы высказали замечательную мысль, когда предложили сделать инверсию: вот ту реальность, которая есть в кино следует считать подлинной, а нашу жизнь – лишь пародией на жизнь, в лучшем случае – подготовкой к ней. Настоящая жизнь сосредоточена в кино (как виртуальной реальности), она спрессована и сконцентрирована в ней, и именно там проблемные «зоны жизни» обнажены до невозможности.

К.С. Пигров: На самом деле это не я придумал. Это было сказано задолго до меня. Например, в «Поэме» С. Мозма описана актриса, которая ведет очень неряшливую жизнь. Она уже в возрасте и имеет взрослого сына. Перед выходом на работу сын ей говорит: «Мама, ты же неправильно живешь». Ее это уязвило, что сын дает такую тотальную критику, а ей нужно бежать на работу. Там она неплохо сыграла свою роль и пошла в кафе. И только там поняла, что подлинная ее жизнь – когда она на сцене, а то, что происходит дома – не столь существенно. Мозм иронически пишет, что героиня, конечно, Платона никогда не читала, но она вдруг открыла для себя его концепцию эйдоса. Для меня это самое существенное. Если вспомнить четыре модели социальной реальности, предложенные мною в учебнике (это особенно занимало В.Ж. Келле), то я стою на реалистической позиции.

Наши «Дни»

Дни Петербургской философии, или, как мы сокращенно именуем их между собой, «наши Дни» – прекрасный повод для встреч, контактов и душевных бесед. Каждый год в ноябре философский факультет СПбГУ собирает представителей философской общественности России и Санкт-Петербурга в главном здании университета. У меня были поездки на Дни и в прежние годы. Но, начиная с 2003 г., я не пропустил ни одной конференции. И одна из главных причин тому – возможность общения с К.С. Пигровым.

Не буду касаться в данном очерке содержательной канвы Дней Петербургской философии. Каждый год темы меняются, состав участников расширяется, а узкий круг нашего с Пигровым общения остается прежним. Обычно на заседании секции «Практическая философия», которой мы неизменно с ним руководим, благодаря Константину Семеновичу складывается самая благодетельная и в то же время интеллектуально насыщенная атмосфера.

Думаю, что не ошибусь, если выскажу мнение, что Дни Петербургской философии – это лучшее время для общения К.С. Пигрова с коллегами. Достаточно взглянуть на эти фотографии, чтобы понять его повышенный интерес к людям.

Дни Петербургской философии (ноябрь 2004 г.)

Дни Петербургской философии (ноябрь 2006 г.)

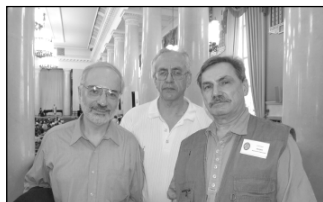
Дни Петербургской философии (ноябрь 2007 г.)

Это, действительно, наши с ним Дни, которые мы увлеченно проводим вместе с нашими коллегами. Заседания продолжаются до глубокой ночи, а общение во время чаепития переходит в коллективные прогулки по городу и завершается в одном из любимых нами мест встречи — кафе на Невском.

В редкие времена судьба забрасывает К.С. Пигрова в другие города России. Иногда его можно встретить и в Москве. Но для этого там должны состояться по меньшей мере Конгресс философов России или презентация книги самого Пигрова.

Всероссийский философский конгресс (Москва, май 2005 г.)

Обсуждение книги К.С. Пигрова в Институте философии РАН (сентябрь 2006 г.)

Проф. К.С. Пигров выступает и слушает отзывы коллег

Проф. П.К. Гречко

Проф. В.С. Барулин

Проф. В.М. Межуев

Проф. В.С. Келле

Проф. К.Х. Момджян

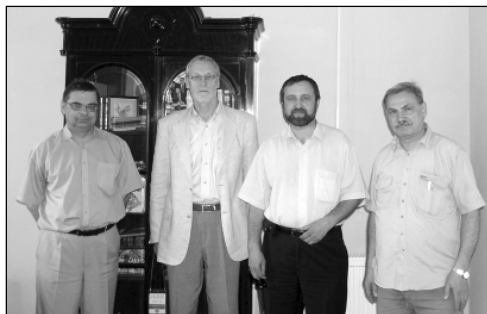
Проф. В.Г. Федотова

Проф. В.Н. Шевченко

Наши презентации

За время совместной работы с К.С. Пигровым в редколлегии журнала «Личность. Культура. Общество» нам неоднократно приходилось выступать вместе. 2006 год был самым благоприятным для нашего общения. Мы провели вместе практически подряд три презентации, две из них – презентации журнала «Личность. Культура. Общество» в Санкт-Петербурге, а одна – презентация его книги – «Социальной философии» – в Москве. Константин Семенович – не просто активный участник презентаций. Он во многом определяет тональность и содержательную направленность обсуждения. С ним легко и интересно работать.

Презентация журнала «Личность, Культура, Общество» в Северо-Западной академии государственной службы (Санкт-Петербург, июнь 2006 г.)

Презентация журнала «Личность, Культура, Общество» на I Культурологическом конгрессе (Санкт-Петербург, август 2006 г.)

Признание в дружбе

Я не помню уже, когда впервые познакомился поближе с этим замечательным человеком (наверное, где-то в самом начале 1990-х годов на одной из конференций в Питере, а может быть и раньше). С первой встречи меня привлекло в нем многое: жизнелюбие, острый и пытливый ум, глубокая погруженность в поле философии, задушевность и откровенность наших философских бесед, доброта, готовность помочь и скромность. Все эти качества положительного героя вовсе не снимают необходимость говорить о сложных чертах его характера и трудностях общения с ним.

Сегодня как-то стало опять не принято открывать свои чувства. И многое подразумевается, а не говорится вслух. И все же я хочу сделать признание. Для меня Константин Семенович больше чем коллега, хороший знакомый, с которым сложились хорошие и доверительные отношения. Я считаю его своим другом и, надеюсь, что это взаимно.

Дружить с Пигровым непросто. Сказывается не столько разница в возрасте, сколько различие во взглядах на мир, других людей, наконец, философию. Он терпим к инакомыслию и его истинное отношение к значимым для тебя вопросам трудно определить за маской добродушия, смешанного наполовину с лукавством и легкой иронией.

«Пигров-в-себе» скрыт от непосредственного наблюдения, погружен глубоко в себя и практически недосыгаем. Его лукавый и остроумный «двойник», выступающий наружу как «Пигров-для-других», напротив, открыт, доброжелателен, а временами даже искренен и откровенен. Мне нравится вести беседы с «Пигровым-в-себе», оставляя вопросы, инициируемые «Пигровым-для-других», без особого внимания. И здесь мне часто приходится быть не только переводчиком между двумя Пигровыми, но и интерпретатором его автобиографических по сути дневниковых заметок.

20 ноября 2004 г.

Июнь 2006 г.

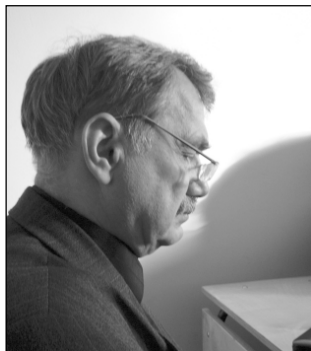

Июнь 2006 г.

Крупным планом

*«Не поддавайся тщеславию, живи внешне скромно и тихо,
но внутренне активно и напряженно»
(К.С. Пигров) [5, 88].*

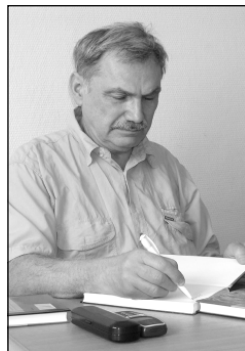
Профессор Пигров любит фотографироваться. Но еще больше он любит фотографировать сам.

Руководитель секции (2004 г.)

Прекрасный рассказчик (2004 г.)

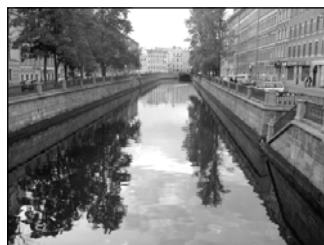
Дарить свою книгу
приятно (июнь 2006 г.)

Его дом (июнь 2007 г.)

Ценитель и знаток своего
города

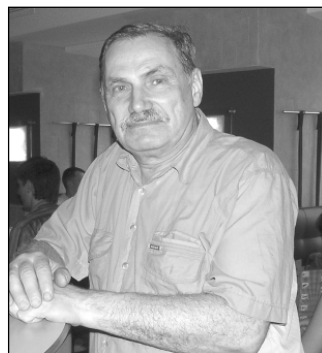
Его родной канал
(июнь 2007 г.)

Я почти уверен, что еще не родился тот человек, который смог бы постичь загадку феномена человека. Нельзя это сделать и в отношении Константина Семеновича. Но соблазн «схватить» образ настоящего Пигрова, «Пигрова-в-себе» все же остается. Но как не велик соблазн, приходится идти вслед за героем нашего очерка, подстраиваться под него.

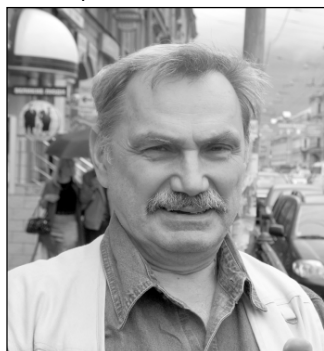
Какой он разный, этот К.С. Пигров

Сентябрь 2005 г.

Июнь 2006 г.

Июнь 2007 г.

У Константина Семеновича есть еще одна страсть — фото. Он любит запечатлеть историю людей и с удовольствием позирует сам.

Фотограф-любитель и ценитель фотографии в одном лице

Сентябрь 2005 г.

Ноябрь 2007 г.

Июнь 2007 г.

Ну что ж, улыбайтесь, я фотографирую! (2004 г.)

Я Вам расскажу, как это делается... Но это будет ох как не просто (2004 г.)

Настройка – это вам не перестройка (2004 г.)

И в заключение хочу сказать, что жизненный и профессиональный путь Константина Семеновича Пигрова не отличается особой гармоничностью, но он удивительно органичен его личности. Ничто так меня не вдохновляет, как живой пример, воплощенный в жизни и творчестве близкого мне по духу человека. Мне нравится Константин Семенович как человек и философ. И при этом я его не знаю. Убежден, что чем меньше знаем мы человека, тем лучше для него. Человек будь человеком, и тогда люди к тебе потянутся. К Пигрову люди тянутся (я это точно знаю по себе).

А Вы, уважаемые читатели? Знаете ли Вы Пигрова? Что ж, у тех из Вас, кто знает героя данного очерка не понаслышке, остается еще возможность высказать свои мнения о нем на страницах нашего журнала.

До скорой встречи!

ЛИТЕРАТУРА

1. Колаковский Л. Похвала непоследовательности: Пер. с польск. В. Кольцов. Edizioni Aurora Firenze, б.м., 1974.
2. Пигров К.С. Еще раз о предмете социальной философии // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5. Вып. 1-2 (15-16).
3. Пигров К.С. О предмете социальной философии // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. 4. Вып. 3-4 (13-14).
4. Пигров К.С. Профессионалы и самодеятельные философы: к развитию рецептивной философии // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. 8. Вып. 3 (31).
5. Пигров К.С. Шепот демона: опыт практической философии. СПб., 2007.